

СЕМЬ РАЗ «НА БИС» — И ВСЕ В ПАРИЖЕ

1994 - 5 марта - с. 7.

Она частая и желанная гостья лучших оперных театров мира. В ее репертуаре главные партии в спектаклях «Трубадур», «Бал-маскарад», «Аида» Д. Верди, «Вертер» Ж. Массне, «Борис Годунов», «Хованщина» М. Мусоргского, «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова и многих других. Ее партнерами были знаменитые Франко Бонисолли и Маргарет Прайс, Пласидо Доминго и Леона Митчел. Зарубежная пресса не скупится на эпитеты: «удивительно красивый голос» и «одна из лучших меццо-сопрано мира». Не так давно она вернулась из Парижа, где пела в знаменитом филармоническом зале Плиель. После исполнения кантаты «Москва» и арий из опер Чайковского слушатели вызывали ее «на бис» семь раз!

Увы, российская пресса не баулет Нину Терентьеву своим вниманием. А ведь каждое ее выступление на сцене родного Большого театра России — это своего рода праздник для ее многочисленных поклонников. С заслуженной артисткой России Терентьевой беседовать легко и трудно. Мы знакомы с нею давно, она откровенный и интересный собеседник, но всегда неохотно и весьма скудно делится своими воспоминаниями о гастроллях. Когда она вернулась из Лос-Анджелеса, где вместе со знаменитейшим испанцем Пласидо Доминго пела в вердиевском «Дон Карлосе», старалась особенно не распространяться о своем успехе. Помню, тогда вместо ответа она протянула мне вырезки из нескольких американских газет: переведите, пожалуйста, а потом мне расскажете. Говорят, пела неплохо.

Это не то слово! Беру наугад одну из вырезок.

«...Спектакль прошел прекрасно, в особенности потому, что Доминго и меццо-сопрано Нина Терентьева из Большого театра, которая исполняла партию Эболи, выступали с истинным вердиевским вдохновением... Терентьева стала главным открытием спектакля. У нее роскошный голос с широким диапазоном — от мягкого глубокого контралято внизу до лирического легкого сопрано сверху...».

Пытаюсь возвратити собеседницу к тому времени:

— Сильно волновались?

— Только после окончания спектакля, когда надо было выходить кланяться. Видите ли, это только в наших музыкальных театрах выходят на зрителя, что называется, стадом. Кому публика аплодирует больше всех, не поймешь. У них же каждый певец выходит по очереди и получает свое. Теперь представьте себе, что мне в Лос-Анджелесе пришлось выходить вслед за Доминго, каждое появление которого на сцене публика буквально сопровождает шквалом оваций.

— Ну и?..

— Слава Богу, обошлось...

Это тем более почетно, что вместе со мной пели довольно известные имена в оперном мире. Некоторым довелось уйти со сцены под стук собственных каблучков. Можете себе представить их состояние.

— Вам никогда не приходилось подобное испытывать?

— Слава Богу, нет.

— Что-то слишком часто упоминаете имя всевышнего...

— Когда я в Москве, то обязательно хожу в церковь. Я, например, считаю: все лучшее во мне от Бога — талант, если он есть, терпение, вера в лучшее. Кстати, если у меня случаются неприятности, это тоже от него — кара за грехи мои и моих предков. Вы знаете, как сказал американский космонавт Джим Ирвин, побывавший там? «У каждого человека есть свой «жизненный полет», но достигнуть высот он может только с помощью познания Бога».

— Верующих много, но немногим из них удается то, что удалось вам.

— Надо очень захотеть чего-то. И никогда не считать, что ты уже всего достиг.

— Хотите сказать, что у вас не было проблем?

— Наоборот! Их было хоть отбавляй, их и сегодня хватает. И если бы я покорилась судьбе, то... Не можете себе представить, но в Питере, когда меня взяли в Кировский театр, мне предлагали второстепенную партию Флоры в «Травиате». И это после того, как я спела весь репертуар: Ольгу в «Евгении Онегине», Стешу в «Декабрестах» Ю. Шапорина, Екатерину I в «Петре Первом» А. Петрова, Любашу в «Царской невесте» Н. Римского-Корсакова...

— Интриги?

— Без этого ни один театр не обходится. В моем случае была попытка поставить новенькую на место. Я, естественно, воспротивилась. С тех пор и пошла за мной слава строптивой. Из-за этого у меня не сложились и отношения с главным дирижером Юрием Темиркановым. С ним удалось объясниться лишь перед моим уходом из Мариинки в Большой.

— В ГАБТ ведь вас пригласили?

— Сразу на третий тур прослушивания, спела с оркестром Орлеанскую деву и...

— В Москве все складывалось удачнее?

— Понимаете, в Большом театре — как бы это сказать — к тебе быстро привыкают. Здесь было все: проблемы — учтите, что я ведь пришла, когда в самом расцвете сил находились Архипова, Образцова, Синявская. Успех: я ощутила, что так, как я, спеть никто не может. Это не самонадеяние: если ты не уверен в себе на сто, лучше не выходить на сцену. Я счастлива, что пела и пою в Большом все, что хотела. Но постепенно начала понимать, что как бы ни боготворили тебя слушатели, руководству театра это безразлично. На тебя никто не будет ставить спектакли и, если не будешь искать для себя какого-то выхода, тебя может посетить творческий застой...

— Похоже, мы приближаемся к тому, что с вами произошло в 1985 году?

— В том году я, наконец,

решилась переменить судьбу. В нашем театре было устроено прослушивание. Своего рода смотрины солистов оперы для ведущих западных импресарио. Наиболее авторитетным из них считался и считается австриец Руди Рааб. Если ему понравится певец, он может заключить с ним выгоднейший контракт — артист получает возможность завоевать лучшие оперные сцены мира. Итак, я изъявила желание прослушаться. Но fortuna попыталась отвернуться от меня. Во всяком случае, в процессе первого отделения вдруг узнаю, что Рааб уходит. А моим выступлением началось второе. Я далека от мысли, что это была случайность: все в нашем мире рукотворно. Не добившись включения в первое отделение, я подошла к Раабу и, набравшись наглости, сказала: «Я Терентьева!» Он, несколько удивившись моему напору, вежливо ответил: «Я о вас слышала». «Послушайте меня, пожалуйста, во втором отделении», — попросила я. Он согласился. Когда я спела первую фразу гаданья

Марфы из оперы «Хованщина» «Силы потайные!», поняла: это мой звездный час. После выступления Рааб пришел за кулисы и поцеловал меня. Так началась моя зарубежная карьера.

— И что он вам предложил?

— Сначала в Венской опере я спела Азучену в опере «Трубадур».

— Волновались?

— Очень, особенно за свое итальянское произношение. Сама терпеть не могу, когда певец поет: «о дон фаталье, о дон крузель!» То есть там, где должно быть «э», идет «е». Но все обошлось. Потом были Барселона, Париж, Вашингтон, Нью-Йорк, Гамбург, Мюнхен, Штутгарт... Кстати, до того, как спела «Дон Карлоса» в Лос-Анджелесе на итальянском, мне дважды — в Торонто и Сан-Франциско — пришлось его петь на французском.

— Не удивляйтесь. Дело в том, что Верди первую редакцию оперы написал для парижской сцены и только потом переделал ее под Ла Скала. Кстати, опыт исполнения на французском помог мне, когда меня в прошлом году пригласили в театр «Колон» в Буэнос-Айресе спеть Далилу в «Самсоне и Далиле» Сен-Санса.

— Вы впервые здесь пели?

— Нет, в свое время я в «Колон» пела Сантуццу в «Сельской чести» Масканы. Но Далила, как мне кажется, на сегодня мое высшее достижение. Впрочем, так же считали и мой импресарио и аргентинская публика.

— Как жаль, что российский зритель лишен права разделить их мнение.

— Увы, в Большом мне практически нечего петь. А «Самсон и Далила» и «Дон Карлос» вообще не идут: когда приезжаю в Москву, как правило, сижу без дела.

— Послушайте, Нина, если учесть, что у вас контракт до 1996 года, а здесь вами не очень-то интересуются, не возникает ли мысль остаться на Западе?

— Я горжусь тем, что я русская певица. И пусть в меня не очень складывается репертуар в родном театре, но за границей я не останусь.

— К тому же и «у них» не все так уж хорошо, в том числе и с культурой.

— Понимаете, ее интернациональность, скажем, в Америке, уже дает свои плоды. Культура, так сказать, без национальных корней. А у нас своя, самобытная. Поэтому мне страшно претит российский космополитизм в этом смысле. Но вообще с реалиями иногда сталкиваешься такими, что не знаешь, как себя вести. Представьте себе такую ситуацию: я и несколько певцов из бывшего СССР по контракту приезжаем петь, в какую страну — неважно, а там как раз оркестр решил bastовать, требуя повышения зарплаты. Как быть нам — петь или присоединиться к бастующим?

— Да уж, задача не из легких. И как вы ее решили?

— Конечно, пели спектакль, правда, под фортепьяно. Наверное, нашим соотечественникам, рожденным под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» этого не понять. Но ведь мы связаны контрактом с дирекцией театра, импресарио...

— К тому же, и оркестранты далеко не пролетарии.

— Это уж точно.

— Скажите, получив признание у себя на Родине, за рубежом, вы можете себя считать счастливым человеком?

— Да... Насколько может быть счастлива женщина, у которой погиб муж — отличный музыкант, но воспитывающая прекрасную дочь. Мы с Настей — как подруги. Она меня хорошо понимает, я знаю, что ей надо. Уверена: из нее получится хороший человек. Тем более что и в ее жилах течет уральская кровь.

— Вы ведь с Урала? Сейчас такое впечатление, что уральцы задают тон и в политике, и в искусстве. Это что, ваше время пришло?

— Просто мы умеем трудиться и знаем настоящую цену труду. Возьмите Бориса Ельцина, в нем есть все: воля, целеустремленность, работоспособность. Но, на мой взгляд, он слишком долго находится на вершине властной пирамиды. Это расхолаживает человека, делает его менее чутким к людям. И кроме того, руководитель его ранга иногда все же должен появляться в зале Большого, хотя бы для того, чтобы показать свой интерес к высокому искусству... Тогда и в самом театре могло бы что-то измениться к лучшему.

— Ваш идеал женщины...

— Не буду выдумывать. Приходите на мою Любашу в «Царской невесте» или на Марфу в «Хованщине». Готовность к самопожертвованию ради любви приподнимает их над другими образами. Это и есть, пожалуй, мой идеал.

— Вас не удручает состояние музыкальной культуры в России?

— Я верю все-таки в лучшее, но для этого что-то надо делать. Хотя бы ограничить доступ на телеэкран многочисленных мальчишек и девчонок с пещерными представлениями о культуре, поэзии. Нельзя забывать все теле- и радиоканалы одной и той же музыкой. Вы не поверите, но в Аргентине, не в самой оперно-симфонической стране, я плакала, когда вдруг на телеэкране увидела наш оркестр, исполняющий скрипичный концерт Чайковского.

— Вы нервничаете, когда выходите на сцену?

— Никогда.

— А когда уходите со сцены, что себе говорите?

— Господи, как я благодарна тебе за то, что ты наградишь меня даром пения.

Интервью вел Анатолий ЯКОВЛЕВ.

На снимке: Нина Терентьева с дочерью Настей.

Фото Валерия УТЦА.